

Иеромонах Иасон

**Впечатления кончины и погребения
митрополита Московского Филарета**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗ0

Иеромонах Иасон
ИЗ0 Впечатления кончины и погребения митрополита Московского Филарета / Иеромонах Иасон – М.: Книга по Требованию, 2013. – 99 с.

ISBN 978-5-458-10764-8

В книге содержится: Книга 1: Впечатления кончины и погребения митрополита московского Филарета. 1871, Москва, типография В. Готье. Книга 2: Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти старца схи-архимандрита Илиодора, подвижавшагося в Глинской пустыни. Курского, Знаменского, Монастыря Иеромонаха Иассона (Иасона). 1887, Москва, типография И. Ефимова

ISBN 978-5-458-10764-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

да его жизни, будущіе Властители Пруссіи, Англіи, Италіи, Даніи, и иные владѣтельные Князья царственныхъ родовъ Европы приходили цѣловать его благословляющую десницу и слышать отъ него слово назиданія, ибо никто изъ нихъ не почиталъ возможнымъ посѣтить первопрестольную столицу нашу и не видать ея великаго старца. Примазь, Архіепископъ Шотландіи, и одинъ изъ старшихъ Епископовъ дальней Америки посѣтили также смиреннаго подвижника въ его уединенномъ скиту, и цѣлое миссіонерское общество Англіи, ищущее союза съ Востокомъ, привѣтствовало его окружнымъ посланіемъ въ день юбилея. Грамоты къ нему Вселенскаго Патріарха Григорія и прочихъ трехъ Патріарховъ умилительны тѣмъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, какимъ онѣ были проникнуты къ своему священному собрату, который, не будучи равнымъ имъ Патріархомъ по сану, казался однако выше всѣхъ Патріарховъ и Отцемъ Отцевъ, по древнему выраженію церковному. Слышно ли было когда, чтобы ради кого либо изъ Епископовъ, торжественная литургія совершалась въ опредѣленный день всѣми Епископами Православія, во всѣхъ соборныхъ церквахъ, начиная отъ Сіона и Голгоѣы, матери всѣхъ церквей, и чтобы даже радостными огнями горѣлъ надъ нею самый крестъ, на куполѣ Іерусалимскомъ? И что же? Виновнику всѣхъ сихъ необычайныхъ торжествъ дано лишь было столько времени до его мирной кончины, сколько необходимо для того, чтобы возблагодарить всѣхъ и cadaго за изъявленіе ему

сей вселенской любви. Соборъ окрестныхъ Епископовъ соединился на мѣсто его подвига, въ великую Лавру, чтобы привѣтствовать его въ день радостнаго юбилея, и такой же соборъ сошелся опять въ ту же Лавру, чтобы воздать ему послѣдній долгъ, когда довершилъ онъ свое теченіе.

Самъ онъ чувствовалъ необычайность своего положенія въ послѣдніе дни жизни и обременялся славою своего юбилея, который называлъ тяжкимъ бременемъ для своей немощи. „Непонятно для меня,“ писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „какое это знаменіе, что 5 дню августа дано такъ много значенія и чего въ семь хочетъ воля Божія? Только съ новою силою даетъ мнѣ чувствовать, какъ много отъ меня требуется и какъ много недостаетъ меня для удовлетворенія.“

Праведному старцу, который всю свою жизнь готовился къ блаженному отшествію въ вѣчность, было и необычайное извѣщеніе о близкомъ его исходѣ. Въ сонномъ видѣніи явился ему родитель, за два мѣсяца до кончины, и велѣлъ быть внимательнымъ къ опредѣленному дню, тайнственно обозначивъ его только числомъ 19. Съ тѣхъ поръ всегда приступалъ онъ въ этотъ завѣтный день къ пріобщенію Божественныхъ таинъ, и самъ имѣлъ утѣшеніе совершить оныя въ послѣдній день своей жизни. Какъ объяснить этотъ сонъ или видѣніе? Не свидѣтельствуетъ ли это о степени его духовности, ежечасно совершенствовавшейся, которая сближала его все болѣе и болѣе съ мі-

ромъ духовнымъ? А между тѣмъ до послѣдней минуты не оставляла его жизненная дѣятельность, и тогда только угасла лампада, когда догорѣла до послѣдней искры. Онъ и совершилъ съ бодрими силами Божественную литургію, и привѣтствовалъ назидательнымъ словомъ посѣтителей, и еще, стоя, начерталъ предсмертныя свои мысли. Тогда лишь, умывъ лице и руки, встрѣтилъ грядущаго къ нему Ангела смерти и поклонился ему до земли, давно уже готовый, душевно и тѣлесно, идти въ слѣдъ за нимъ, чтобы предстать Господу своему, котораго *пришествіе* онъ *возлюбилъ* отъ юности своей, и которому онъ *работалъ со страхомъ и трепетомъ* до послѣдняго часа. Если кому либо, то конечно сему усопшему, могутъ быть усвоены слова откровенія Іоаннова (XIV.13): *блаженни мертви умирающіи о Господь. Ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ ихъ.*

Погребеніе Святителя было, по истинѣ, торжественнымъ шествіемъ дѣль его вслѣдъ за нимъ: съ паствою послѣдующею за его гробомъ, назиданіе коей было полувѣковымъ дѣломъ пастырскаго его слова, и съ предшествующимъ ему клиромъ, который весь, отъ старшаго пресвитера до послѣдняго иподіакона, былъ духовнымъ дѣломъ рукъ его, не исключая и самихъ Епископовъ, имъ же рукоположенныхъ; въ сію печальную минуту можно было повторить слова Дѣянній Апостольскихъ: *народу впровавшему въ сердце и душа едина* (Дѣян. IV. 32); ибо всѣ мысли и серд-

ца были устремлены къ несомому Архипастырю, который нынѣ, какъ и всегда, руководилъ ихъ на путь спасенія. Умилительное зрѣлище представляла необъятная столица, вся собравшаяся, какъ бы одинъ человекъ, въ священный Кремль и на погребальный путь. Не только всѣ улицы, но и всѣ крыши были унизаны народомъ, какъ бы стаею голубей, слетѣвшихъ для сей духовной пищи, и все это несмѣтное множество молилось объ усопшемъ, испрашивая и себѣ загробныхъ его молитвъ; такое зрѣлище было лучшимъ свидѣтельствомъ Православія той Церкви, которая могла явить предъ лицомъ всего міра, какихъ великихъ пастырей даровалъ ей Пастыреначальникъ Христосъ.

Разкажу только, что видѣлъ и слышалъ. Приѣхавъ въ Москву въ самый день и часъ перваго выноса усопшаго Святителя съ Троицкаго подворья въ кафедральную его обитель Чудова, я засталъ уже погребальное шествіе на половинѣ дороги и могъ къ нему присоединиться только отъ воротъ Саввинскаго подворья. Поразительно было перенестись внезапно изъ шума сѣверной столицы на это шествіе, вмѣстѣ скорбное и свѣтлое, которое отзывалось инымъ міромъ и гласило о вѣчности. Оно открывалось тихимъ колебаніемъ золотокованныхъ хоругвей древнихъ Кремлевскихъ соборовъ съ сіяющими на нихъ ликами Святыхъ, которые впереди всѣхъ указывали путь въ небесную обитель. Медленно они подвигались, и казалось издали—это былъ священный лѣсъ мачтъ тихо

плывущихъ кораблей, по волнамъ житейской пучины, въ безбурную послѣднюю пристань, но, увы! уже безъ своего великаго кормчаго, уснувшаго сномъ вѣчнымъ на самомъ кормилѣ, не выпустивъ руля изъ старческой десницы. За движеніемъ хоругвей слѣдовало пѣніе ликовъ—голосъ сиротствующей Церкви, сѣтующей о своемъ отцѣ, какъ нѣкогда плачь древней Рахили о своихъ чадахъ, „не хотѣвшей утѣшиться, яко не суть!“ Потомъ шли выборные люди всѣхъ сословій и общинъ Московскихъ; далѣе безконечный рядъ всѣхъ степеней священства въ черныхъ облаченіяхъ, о коихъ могъ псаломски воззвать несомый за ними Архипастырь: „се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ!“ ибо они всѣ были чадами его по духу; и здѣсь съ изумленіемъ можно было видѣть, какое несмѣтное число служителей алтаря въ первопрестольной столицѣ; оно неопредѣленно слыветъ въ народѣ; „сорокомъ сороковъ,“ какъ и тьмами темъ исчисляются Ангелы, обстоящіе небесный престолъ ихъ Творца.

Сонмъ всѣхъ настоятелей Московскихъ обителей и окрестныхъ и за нимъ соборъ Архіеревъ, сошедшихъ въ столицу изъ ближайшихъ епархій, имѣя во главѣ маститаго старца, Митрополита старшей кафедръ Русской, Кіева, предшествовали кипарисовому гробу, который былъ несомъ на рукахъ пресвитерскихъ, подъ сѣнію рипидъ, свѣщниковъ и хоругвей, съ знаменіемъ креста впереди. На этотъ малый кивотъ устремлены были всѣ взоры: въ немъ лежало сокровище, на полвѣка дарованное сердцу всея Руси, пер-

вопрестольной Москвѣ, и на вѣки у нея похищенное, или лучше сказать, взятое отъ земли на небо въ нетлѣнную сокровищницу Подателя всѣхъ благъ!

На каждой площади, передъ каждою церковію останавливалось погребальное шестіе для краткой литіи, и тутъ особенно тѣснился народъ, домогаясь прикоснуться ко гробу любимаго Архипастыря, нѣкоторые же и въ надеждѣ исцѣленія; ибо еще заживо уже привыкли смотрѣть на него, какъ на угодника Божія, и давно ходила молва о получаемыхъ, по его молитвѣ, облегченіяхъ отъ различныхъ недуговъ. Какъ только проходило шествіе, слѣдовавшіе за нимъ собирали съ пути можжевельникъ, такъ что опоздавшіе не могли уже найти для себя ни одной вѣтки. При Иверской часовнѣ, со ступеней коей такъ часто благословлялъ онъ народъ, нѣсколько долѣе остановились. Во внутрь часовни внесень былъ усопшій и, предъ чудотворною иконою Богоматери, лики возгласили умиленнымъ напѣвомъ гимнъ Пресвятой Дѣвѣ: „Высшую небесъ,—Владычицу міра пѣсньми почтимъ.“

Едва можно было пробиться Воскресенскими воротами, хотя и двойными, на Красную площадь, и тамъ опять, предъ Казанскимъ соборомъ и у Лобнаго мѣста предъ Василиемъ Блаженнымъ, повторились литіи о упокоеніи Святителя. На каждомъ шагу было воспоминаніе. Ахъ, мы шли обратнымъ путемъ его крестныхъ ходовъ, во главѣ которыхъ такъ часто онъ шествовалъ самъ изъ Кремля на Лобное мѣсто,

чтобы съ высоты его благословить свою паству и вмѣстѣ съ нею на всѣ страны всю Русскую землю; и онъ также, какъ и мы, останавливался у каждой церкви, чтобы поклониться выносимымъ ему храмовымъ иконамъ; иконы сіи выносились и теперь къ нему на встрѣчу по древнему чину, но уже не цѣловалъ ихъ добрый Пастырь, и зауспокойная о немъ молитва замѣняла его живое лобзаніе.

Открылись предъ нимъ и Спаскія врата, впервые послѣ ихъ обновленія; красная ихъ башня, восстановленная по древнему образцу, освятилась погребальнымъ шествіемъ. Не исходилъ онъ ими на сей разъ, но входилъ, на пути къ дому своихъ предмѣстниковъ, Петра, Іоны, Филиппа, подъ родственную сѣнь чудотворца Алексія, гдѣ на краткій срокъ долженъ былъ успокоиться. Яркое освѣтило солнце всю Кремлевскую святыню, при входѣ въ его завѣтную ограду, и все Замоскворѣчье, которое какъ бы тонуло въ золотистомъ парѣ вечернихъ лучей; бѣлыя его колокольни подымались изъ сего свѣтлаго тумана вмѣстѣ съ бѣлыми столбами волнистыхъ облаковъ, какъ бы дымъ кадильный. Былъ вечеръ, и вечернимъ вдохновеннымъ гимномъ Софронія, Патріарха Іерусалимскаго, проводили лики вечерѣющій день: „Свѣтѣ тихій святыя славы, Безсмертнаго, Отца небеснаго, Святаго, Блаженнаго, Іисусе Христе: пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога.“ Своевременно возгласилась сія умиленная пѣснь вмѣстѣ съ уми-

рающимъ днемъ и заходящимъ солнцемъ; мы созерцали предъ собою и другое яркое свѣтило духовное, которое только что закатилось предъ нами, осіявъ насъ невечернимъ свѣтомъ долгой праведной своей жизни и православнаго ученія.

Густо, глухо гудѣлъ Иванъ Великій, не какъ во дни торжествъ, но унылымъ гуломъ одного лишь большого колокола, и этотъ глаголь времени, металла звонъ, гласилъ намъ о смерти; ему вторилъ печальный перезвонъ всѣхъ церквей столицы. На площади, въ средѣ соборовъ, обителей и палатъ Царскихъ, возгласилась послѣдняя всенародная литія, и сквозь желѣзныя врата Чудова, по мѣднымъ его ступенямъ, поднялось погребальное шествіе въ его мрачную готическую трапезу; тамъ сталъ кипарисовый гробъ, и въ немъ бывший настоятель сей обители, но и во гробѣ какъ бы живой, по живому участию, какое возбуждалъ къ себѣ во всѣхъ сердцахъ, — болѣе, нежели всѣ его окружавшіе въ сію печальную минуту, онъ одинъ господствовалъ надъ всѣми съ высоты своего смертнаго ложа, ибо Филаретомъ еще дышала вся Москва, даже и бездыханнымъ! Совершилась панихида, разошелся соборъ священнослужителей, остались одни народные молитвенники внимать день и ночь читаемому Евангелію надъ усопшимъ; не переставалъ тѣсниться народъ на площади, чтобы пробиться сквозь желѣзные затворы Чудова, чтобы приложиться къ пастырской десницѣ, и многіе однако не могли достигнуть сего утѣшенія.

Таковъ былъ этотъ знаменательный вечеръ, таково и слѣдующее утро и весь этотъ день, канунъ торжественнаго отпѣванія, и во все сіе время не умолкали непрестанныя панихиды надъ почившимъ Святителемъ, частныя и соборныя.

Едва ли повторится когда либо подобное отпѣваніе, какого мы были свидѣтелями въ Чудовѣ, 25-го ноября, въ день посвященный памяти двухъ также великихъ Святителей, Климента, Папы Римскаго и Петра, Патріарха Александрійскаго, которыхъ величаетъ Церковь „столпами благочестія и недвижимымъ своимъ оплотомъ:“ эти выраженія любви и признательности можно было равномѣрно отнести и къ усопшему. Усердный къ его памяти, Митрополитъ Кіевскій, неумоимо священнодѣйствовавшій каждый почти день во всю погребальную седмицу, совершалъ и на сей разъ литургію съ двумя Епископами, Тульскимъ и Можайскимъ. На время оной тѣло усопшаго Владыки было внесено изъ церковной трапезы во внутрь самой церкви. Чудотворецъ Алексій — въ серебряной своей рацѣ, и въ кипарисовомъ гробѣ — новопреставленный подвижникъ, около полувѣка занимавшій его кафедру, какое умиленное сближеніе! вмѣсто причастнаго стиха, ученый Ректоръ Академіи произнесъ трогательное слово въ похвалу блаженному своему учителю, котораго неумоимые подвиги сравнивалъ съ подвигами Апостола языковъ: ибо подобно ему онъ старался быть всемъ для всехъ; и ни одна страждующая церковь, ближняя или даль-

няя, на окраинѣ Россіи или на Востокѣ, не укрылась отъ его любвеобильныхъ заботъ и ревности, по истинѣ Апостольской; повсюду сыпались его щедроты, какъ нѣкогда отъ руки тезоименитаго ему, милостиваго Филарета. Девять надгробныхъ словъ произнесено было во время девятидневнаго, можно сказать, погребенія, лучшими проповѣдниками столицы или блюстителями образованія духовнаго; въ каждомъ изъ нихъ изливалось глубокое благоговѣніе къ великому Святителю и то чувство сиротства, какое онъ по себѣ оставилъ; и если кто либо, не постигавшій доселѣ сихъ родственныхъ отношеній добраго Пастыря къ своей паствѣ, могъ бы еще сомнѣваться въ высокомъ значеніи Митрополита Филарета для всей Русской церкви, — пусть только прочтетъ это посмертное изліяніе искреннихъ къ нему чувствъ, и тогда составитъ себѣ истинный образъ рѣдко повторяющійся въ лѣтописяхъ церковныхъ, генія и характера покойнаго Владыки.

По окончаніи литургіи вынесенъ былъ опять усопшій въ трапезу церковную для торжественнаго отпѣванія. Семь Архіереевъ вышли изъ алтаря соборно совершить оно, какъ вѣрные сыны надъ отшедшимъ родителемъ. Подвигся вмѣстѣ съ ними и слѣпой девяностолѣтній старецъ, благочестивый Архіепископъ Евгеній, чтобы воздать послѣдній долгъ многоуважаемому имъ собрату. Трогательно было видѣть, какъ вели иподіаконы одряхлѣвшаго и почти держали на рукахъ своихъ, ибо и самая свѣча каза-